

2.1. ГОРОДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Первая Всероссийская перепись 1897 г. позволяет выявить уровень урбанизации в России конца XIX в., наличие и географию точек роста, в роли которых часто выступали не официальные города, а поселения иного типа и статуса — фабричные и кустарные села, слободы и станицы, пристанционные и горнозаводские поселки («города-заводы»). Но, прежде чем рассматривать урбанистическую ситуацию в конце XIX в., полезно дать краткий *исторический обзор* предшествующего развития, чтобы полнее представить его особенности.

Развитие городов и формирование их сети к концу XIX в.

Города конца XIX в. можно разделить на четыре «возрастные» группы, возникшие: а) до монгольского нашествия первой четверти XIII в.; б) в эпоху создания централизованного государства (XIV–XVII вв.); в) при формировании и укреплении Российской империи (XVIII в.); г) в XIX в. Города первых двух групп прошли испытание временем и в большинстве случаев подтвердили свое право быть, а не слыхть городами, проявив жизнестойкость, перенеся вражеские нашествия, внутренние войны и кризисы. Несмотря на катаклизмы, формирование их сети отразило итоги закономерной эволюции, саморазвития расселения, отвечавших потребностям страны. Города XVIII в., в особенно большом количестве учрежденные по административно-территориальной реформе 1775–1785 гг., еще продолжали проходить «испытательный срок». Некоторые, обнаружив свою «профессиональную непригодность», были выведены «за штат» или даже обращены в сельские поселения.

В развитии расселения чередовались периоды относительно плавных, постепенных, последовательных изменений и кардинальных сдвигов, взрывов, обвалов. Плавный процесс эволюции время от времени резко менял темп, прерывался крутым спадом или взлетом. Выскажем гипотезу о соотношении эволюционных и революционных стадий в расселении. Основной тренд, генеральное направление задает эволюция. Она определяет основной результат, несмотря на всевозможные потрясения. *Революции ускоряют или замедляют ход эволюции, но главное — они отчетливее выявляют ее результаты.* Эволюция еще «тянула» бы с подведением итогов; революция делает это решительно и энергично.

Татаро-монголы нанесли тяжелый удар по городам Руси. Но одни из них после всех разорений восстановились, продолжали жить и развиваться, а другие — по оценкам, около $\frac{1}{3}$ — канули в Лету. Так, Брянск возродился, а кто знает сегодня про расположенный неподалеку Вщиж, хотя до нашествия он занимал в иерархии городов более высокое место, чем Брянск? То же самое наблюдалось и после Смуты и польско-литовского разорения. Они вычеркнули из жизни множество городов, но это было подготовлено длительной и неумолимой эволюцией, определившей их угасание. Сказались изменение основных дорог, конкуренция других центров, улучшивших свое географическое положение, перекаривание политической карты.

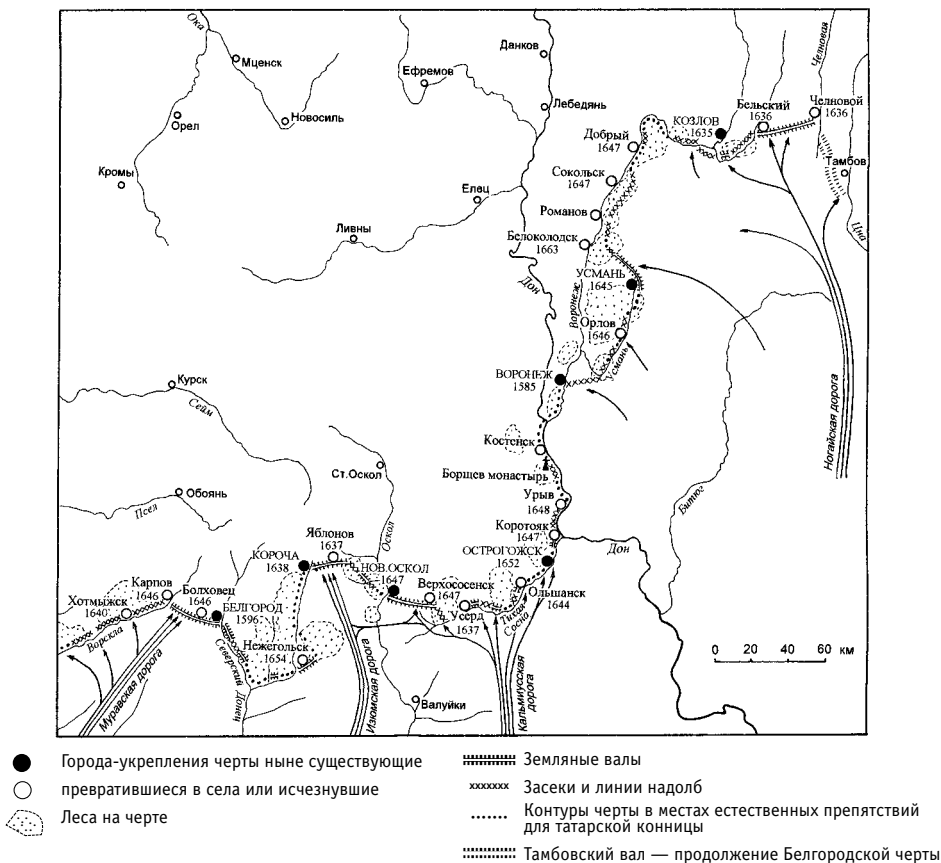
Пожар — этот бич деревянных российских городов — одни города отнюдь не лишал сил для возрождения, а для других мог стать концом карьеры. Знаменитый своей ярмаркой г. Макарьев не оправился после пожара 1816 г. С учетом весенней затопляемости Макарьево и явных выгод положения Нижнего Новгорода, туда в следующем году и была перенесена ярмарка. Насчитывая к 1999 г. всего 500 человек, пгт Макарьево и в нынешнем статусе оставлено разве что за былые заслуги.

Пример иного рода относится уже к XX веку. Это постепенное созревание уральских «городов-заводов», возникших еще в XVIII в. Официальный статус города сразу после свержения монархии получили Нижний Тагил и Невьянск (1917 г.), а последним по времени — Горнозаводск Пермской области (1966 г.). Иначе говоря, процесс растянулся на полвека, причем он активизировался во время Великой Отечественной, когда потребовалась предельная мобилизация страны и повысился спрос на пункты, пригодные для размещения эвакуируемых из западных районов предприятий. За 1942–45 гг. городами стали десятки старинных горнозаводских поселений (34 только в пределах Уральского экономического района), в том числе такие, которые вряд ли получили бы этот статус в обычное время.

Города являлись средством закрепления территории в составе государства и ее хозяйственного освоения. Градостроительная активность с XVI в. ярко отражала процесс этой экспансии. После неудачной ливонской войны, когда не удалось попытке Ивана IV выйти на берега Балтики, Московское государство стало энергично расширяться на юг, юго-восток и восток. В конце XVI в. под защитой укрепленных линий (будучи оборонительными, например от набегов татар из Крыма, они стали и средством наступления, овладения Диким полем) произошло второе рождение городов, уничтоженных нашествием XIII в.: Ельца, Ливен, Курска и др. **(рис. 2.1.1)**. Тем же способом Русь закрепляется на Волге, продвигается в Предуралье, создает первые опорные города в Сибири.

Основание и рост городов в связи с расширением Московского централизованного государства, ставшего затем Российской империей, шли непрерывно на протяжении веков. Географию городов по сути дела определяла переменчивая военно-политическая ситуация. Подвижка границ вызывала перестройку системы центров, меняла ее рисунок. Получалось, что в каждый исторический момент она создавалась как бы «вчерне» и по истечении времени уже не соответствовала новой ситуации. На новом рубеже строились новые города-крепости, а на прежнем, оставшемся теперь в глубине, не все города были нужны. Возникала проблема отбора тех, что лучше других подходили на

Рис. 2.1.1. Древние города вдоль засечных линий в Черноземном Центре России (по В. П. Загоровскому, 1969)

роль не военных, а экономических центров территории. В результате часть городов теряла вслед за военным значением городской статус. Так что Россия была и страной новых городов, и страной исчезающих городов тоже¹.

¹ Самая известная из укрепленных линий Московского государства — Белгородская — перекрывала ведущие из Крыма Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи и включала 26 городов-крепостей. Их заслон был особенно мощным там, где проходили названные дороги. Когда границы смещались к югу, начинался постепенный естественный отбор. Просуществовав более века, перестали быть городами к 1779 г. Карпов, Нежегольск, Усерд, Ольшанск, Костенск, Орлов, Сокольск, Романов (Неволин, 1859). В 1838 г. утратил роль уездного города Хотмыжск, в 1897 г. он уже числился заштатным городом с 1769 жителями. Коротояк, в то время уездный город (9390 жит.), в начале 1920-х годов преобразовали в село. К исходу XX в. из 26 городов Белгородской черты осталось 7, очень разных по величине и значению (рис. 2.1.1): Белгород, Короча, Новый Оскол, Острогжск, Воронеж, Усмань, Мичуринск (Козлов).

В дальнейшем при учреждении городов стали действовать не только военные, но и административные факторы. Город основывался как центр управления, политического и фискального контроля, которые вменялись ему в обязанность. То есть, как и прежде, города чаще появлялись в ответ на потребности государства, чем в ходе естественного развития производительных сил. Очень определенно сказал В. О. Ключевский: «...большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства» (1991, с. 191). Он же в дополнениях к книге П. Кирхмана (1867) по истории общественного и частного быта выявил отличие русского города от западноевропейского, складывавшегося на базе развития торговли и ремесла. В. О. Ключевский писал: «Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой» (цит. по: Медушевский, 1991, с. 329).

В 1775 г. Екатерина II начала административно-территориальную реформу, в ходе которой имевшийся набор российских городов был подвергнут жесткому пересмотру с точки зрения их способности служить административными центрами. Часть признали непригодными для этого и «разжаловали» в сельские поселения. Одновременно лет за десять учредили сотни новых городов на базе экономических, дворцовых и монастырских сел, что явилось крупнейшим мероприятием подобного рода за всю историю России. Однако отобрать самые достойные пункты государство могло не всегда. Ему не хватало средств на выкуп промысловых сел у их помещиков, поэтому выбирали казенные землепашеские, хотя их крестьяне и не стремились в мещане. Опрос местных администраций в 1797 г. показал, что 63% вновь созданных городов «недействительны», их население занято только сельским хозяйством. Вообще каждый второй город был тогда аграрным по ведущей функции (Миронов, 1999, т. 1, с. 297–319).

Тот же Б. Н. Миронов (с. 315) отмечает, что, вопреки росту числа, размеров городов² и численности горожан, доля последних снижалась. По его данным, наличное городское население (с пригородами и более многочисленное, чем постоянное или приписное) в Европейской России без Польши и Финляндии составляло: 13% в 1742 г.; 11,6% в 1783; 9,1% в 1825; 9% в 1856. Затем начался рост, но к концу XIX в. он только вернул долю горожан к уровню 1742 г. Относительную дезурбанизацию XVIII — первой половины XIX в. автор сначала объясняет повышенной смертностью горожан, связанной с их социальным и возрастным составом, скученностью, худшими санитарными и иными условиями (пауперизм, алкоголизм и др.). Но все это было и после реформ 1860-х гг., обозначивших перелом в динамике доли городского населения. Более важной представляется вторая версия: слабый миграционный прирост в городах до крестьянской эмансипации и при господстве аграрной экономики.

В тех условиях «насаждение» городов сверху могло быть результативным скорее по форме, чем по существу. Ведь если сравнить XIX и XVIII столетия по числу учрежденных

² В XVIII в. средняя людность городов империи оставалась ниже 5 тыс. жителей, но затем за полвека выросла вдвое, а за весь XIX век — вчетверо, до 21 тыс. человек (там же, с. 289).

городов, то окажется, что XIX век сильно уступает предшественнику. За 1801–1900 гг. в Европейской России было учреждено 29 городов (**рис. 2.1.2**), тогда как в XVIII веке в 5,5 раз больше — 146³. Зато преобразование поселений в города в XIX в. было более обоснованным, чем во время губернской реформы Екатерины II. Однако формальный подсчет юридических городов вообще не способен точно отразить урбанистическую ситуацию XIX в. Дело в том, что уже действовали иные причины, вызывавшие зарождение городов. Менялся сам тип поселения, заслуживающего придания ему городского статуса.

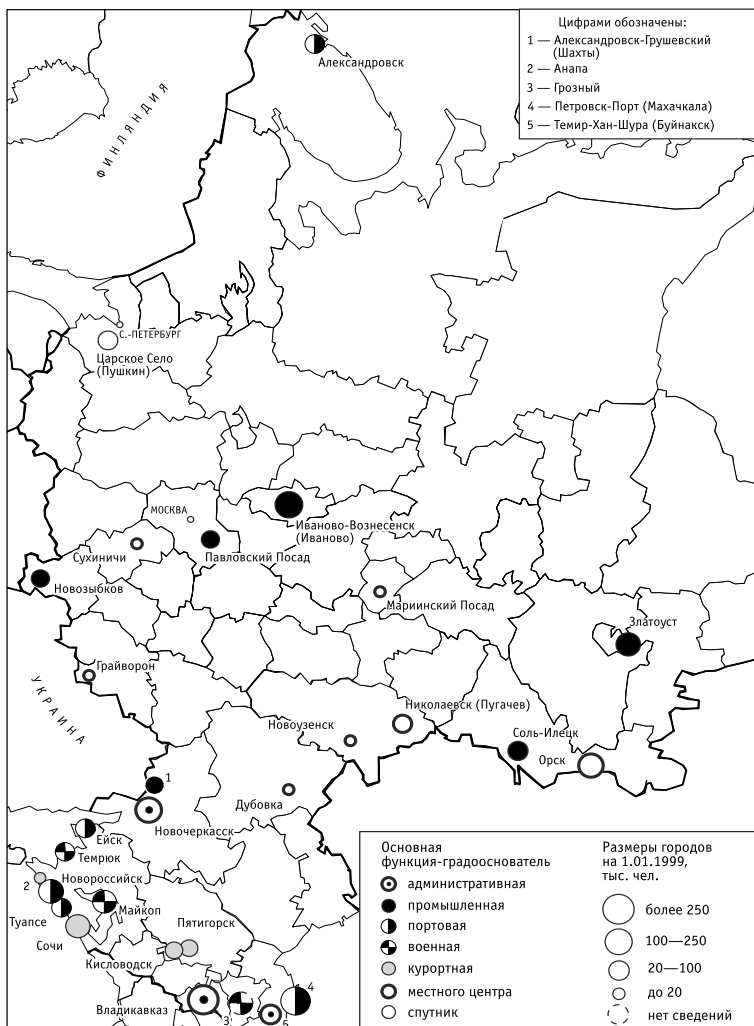
Правда, правительство продолжало учреждать города, особенно на новых окраинах, для нужд управления. Выразителен пространственный аспект урбанизации XIX века: 15 городов из 29 в европейской части России появились на Северном Кавказе, окончательно вошедшем в состав империи по завершении Кавказской войны. Привлекая массу мигрантов из южно- и центрально-русских губерний, он превращался в крупнейший район товарного земледелия и животноводства, хотя обязательным элементом многих городов оставались крепости. Так были основаны Новочеркасск, Владикавказ, Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). Но и на Кавказе города стали возникать по иным причинам: порты Новороссийск и Ейск, курорты Пятигорск и Кисловодск. В Кисловодске тоже построили крепость, но она должна была служить защитой для приезжающих на Минеральные Воды отдыхать и лечиться.

А самое главное, свою градообразующую силу проявила крупная фабрично-заводская промышленность, став причиной концентрации деятельности в удобных для нее точках. Правда, по ряду причин индустрия России в ходе промышленного переворота (1830–50-е гг.) и в пореформенное время развивалась в значительной степени вне городов. На пути ее проникновения в существующие города власти, население, общественное мнение создавали серьезные преграды. Сама целесообразность промышленного развития городов была предметом ожесточенных споров. И дело не только в аграрно-сельском менталитете. Важнейшая отрасль российской индустрии XVIII в. — металлургическая — развивалась вне городов из-за привязки железо- и медеплавильных заводов к рудным месторождениям. А в XIX в. авангардная отрасль русского капитализма, текстильная, имея свободу размещения, устремилась в сельскую местность из-за трудностей, которые ей чинились в городах.

Как замечает Л. Е. Иофа (1951, с. 289), «дворянские идеологи... с удовлетворением относились к факту внегородского развития промышленности, так как полагали, что это избавит страну от «язв пролетариата», от скопления больших масс рабочих в городах». Сторонник промышленного развития городов Н. С. Мордвинов высказался так: «Но города у нас не могли до сих пор по надлежащему населены быть и процветать от двух наипаче причин: во-первых, от бывшего доселе несоответствия казенных поборов местным удобствам каждого из них и, во-вторых, оттого, что в городах права собственности не уважались...» (1945, с. 221).

³ Подсчитано по статье Г. П. Махновой (1970). Из этих городов в настоящее время 17 имеют статус поселков городского типа, 18 — сельские поселения, два (Корчева и Молога) затоплены водами водохранилища, один (София) «растворился» в другом городе (Царское Село).

Рис. 2.1.2. Города, образованные в XIX веке на территории Европейской России

Интересно, что противниками промышленных городов были как славянофилы, так и западники, на что указал недавно А. Г. Вишневецкий (1998, с. 95). Славянофил И. Киреевский писал: «Мы должны желать..., чтобы правительство... не позволяло фабрикам заводиться внутри городов и особенно столиц, когда они с такою же выгодой могут стоять за несколько верст от заставы» (1911, с. 249). А западник Н. П. Огарев критиковал Запад за то, что там «город поглотил все», и продолжал: «В нашем мире борьба естественно решается в пользу сел, потому что наши города только правительственная фантазия, а в действительности они не имеют ни значения, ни силы. Торговля наша производится посредством подвижных рынков (ярмарок) <...> Зачем нам города? Вся наша жизнь в селах <...> Нет! Нет! ради истины и блага России — оставьте села быть селами!» (1859, с. 417).

Поскольку промышленность не пускали в города, ей приходилось создавать их самой. В 1844 г. получил городской статус крупный фабричный центр Подмосковья — Павловский Посад, а в 1871 г. — еще более известный Иваново-Вознесенск, «Русский Манчестер». Помимо этих текстильных центров, в 1867 г. стал городом центр тяжелой индустрии в восточном Донбассе Александровск-Грушевский (ныне г. Шахты). Но в ходе естественного развития производительных сил во много раз больше возникло эмбрионов будущих городов, фабричных и заводских сел и поселков — центров капиталистической индустрии.

Условия развития существующих и нарождающихся городов радикально поменяло *железнодорожное строительство*, которое во второй половине XIX в. велось очень активно. Особенно выделялось в этом отношении самое последнее десятилетие века (по протяженности введенных в строй железных дорог оно не имеет равных себе во всей истории железнодорожного строительства России). В результате произошло крайне резкое расслоение городов. Одни, оказавшись в стороне от железных дорог, сразу лишились перспективы, другие получили дополнительный стимул развития. Многие пристанционные поселки стали успешно конкурировать с городами как местные экономические центры.

В районах товарного капиталистического сельского хозяйства те же станционные поселки, станицы, слободы, крупные села развивали переработку сельскохозяйственного сырья, обзаводились элементами городской инфраструктуры. В изданном Министерством внутренних дел статистическом справочнике «Города Российской империи» (1904) появился новый термин «город-село», тотчас замеченный В. П. Семеновым-Тянь-Шанским (1910, с. 47).

На Урале, а также на Алтае и в Забайкалье горнозаводская промышленность давно породила десятки поселений, позже метко названных «городами-заводами». Еще в XVIII в. на Урале стали городами Алапаевск и Пермь, вне Урала — Петрозаводск, Липецк и Лодейное Поле. Они создавались в рамках крепостнического хозяйства, и работали на них крепостные, которых владельцы предприятий принудительно переселяли из разных районов России⁴. Официально городами их признавали редко, в порядке исключения.

⁴ Были и обратные случаи их перевода с Урала на другие заводы. Так, в Людиново Калужской губ. в 1755 г. владельцем Демидовым были вывезены крепостные рабочие многих уральских заводов.

Тем не менее XIX век стал в истории развития городов и их сетей переломным, знаменующая смену главных факторов реального градообразования. Ими стали индустрия и железнодорожный транспорт, преобразовавшие градообразующую базу старых городов и создавшие зародыши многочисленных будущих. Так были заложены предпосылки грядущих изменений в расселении, мощно проявившихся вскоре тенденций центростремительного и линейностремительного развития. Отныне рост и размеры городов стали определять прежде всего темпы и масштабы развития промышленности. Разная степень ее проникновения в ведущие — губернские и областные — центры России явно разделила их на две группы: вставшие на путь промышленного развития и «беспромышленные». Железные дороги и одновременность подключения к ним также внесли изменения в городскую табель о рангах. Например, через Самару (благодаря Сызранскому мосту) железная дорога прошла, а к Казани, Саратову, Астрахани только подошла, что сказалось на их судьбах. Отсутствие в течение некоторого времени железнодорожного переезда через Волгу у Казани вызвало заминку в ее торгово-промышленном развитии.

Все это заложило крупное противоречие в расселении: между организованной по принципу максимально возможной равномерности сетью административных центров и нарастающими тенденциями узловой и линейной концентрации экономической жизни на основе транспортного каркаса. В тень отходят некогда крепкие и процветавшие города: Болхов в Орловской губернии, Короча в Курской (ныне в Белгородской области), Великий Устюг в Вологодской.

Изменения в судьбах, в экономическом облике городов и их «субстратов» первая перепись населения 1897 г. отразила достаточно полно и достоверно. Представляет интерес рассмотрение урбанистической структуры страны в конце XIX в. на основе не только данных, относящихся к официальным городам, но и, пользуясь термином В. П., к городам «истинным», к тем экономическим центрам, которые городского статуса не имели (см. главы 2.2 и 2.3).

Почти все губернские и областные города соединили железнодорожные магистрали. Вне их в Европейской России остались Петрозаводск, Темир-Хан-Шура, Владикавказ, Ставрополь. Число таких административных центров было расширено образованием новых губерний: в 1850 г. Самарской, в конце века Черноморской с центром в Новороссийске; в начале XX в. обсуждалось создание и Елецкой. Среди губернских центров «неистинных» городов практически не было. Но этого нельзя сказать об уездных и тем более о заштатных городах. Для них В. П. ввел категорию «административных городов» (т. е. лишенных очевидных экономических перспектив). Среди официальных городов — центров уездов их на нынешней территории европейской части РФ оказалось 23. Чисто административными В. П. посчитал также 9 центров уездов (округов, отделов) без городского статуса. Среди них в праве считаться и стать истинным городом было «отказано» станции Баталпашинской, ныне городу Черкесску и столице Карачаево-Черкесии со 121,4 тыс. жителей (на 1.01.1999).

Официальные города, отнесенные В. П. к экономическим, чаще всего заполняли категории «малых городов» и «городков», причем весьма характерным было преобладание в их торгово-промышленном обороте торговли при крайне незначительном вкладе индустрии.

Если в конце XVIII в. реформаторы провели проверку всех имевшихся в то время городов на соответствие задачам, которые они по определению призваны были выполнять, то в конце XIX в. такого действия предпринято не было, и список официальных городов оказался перегруженным поселениями, фактически утратившими право называться городами. Вместе с тем, лишь единицы неофициальных экономических центров получали городской статус. Большинство из них, даже превосходя в экономическом отношении юридические города, городских прав не имели. И не очень к этому стремились.

Вообще-то уже с 1863 г. крестьяне имели право ходатайствовать о преобразовании их села в город. Но прошения удовлетворялись при условии поддержки двумя третями жителей и помещиком (в бывшем владельческом селе), наличии промышленных и торговых заведений и средств на содержание городского самоуправления. Соблюсти эти условия было непросто. Идею преобразования в города промышленных сел Павлово и Лысков на Оке и Волге, уральских «городов-заводов» Нижнего Тагила и Невьянска не поддержало нужное число их обитателей. Знаменитые Орехово, Зуево, Никольское оставались селами из-за хозяев-фабрикантов, боявшихся роста налогов. Б. Н. Миронов (1999, т. 1, с. 319–20), приводящий эти факты, заключает, что главным тормозом на пути роста числа официальных городов было не государство, а экономический интерес: нежелание содержать городские учреждения, менять тип землепользования, тем более, что с 1812 и особенно с 1860-х гг. русские крестьяне могли свободно заниматься любым промыслом⁵.

То, что все-таки должны были делать царские чиновники, сделали два десятилетия спустя советские управленцы. В 1918–1926 гг. они осуществили по сути дела городскую реформу, заметно изменившую состав и географию городов России⁶.

Основные черты урбанистической ситуации в России в конце XIX в.

В начале приведем общие данные, характеризующие распределение городов и поселков по административному статусу, особо выделив населенные пункты, которые насчитывали более 10 тыс. жителей (**табл. 2.1.1**). Кроме них, свыше 10 тыс. жит. имели и поселения иных категорий, а именно: пригороды — 3 поселения; «заводы» — 14; железнодорожные станции, порты и пристани — 2; села — 4; слободы — 11; станицы — 17; местечки — 3, т. е. всего 54 поселения.

⁵ Роль этого последнего фактора, по Б. Н. Миронову, выявляет сравнение с Финляндией, где сельских кустарей, торговцев и т. п. в сходных с российскими условиях было меньше, так как со времен шведского господства там остались обычные для средневековой Европы экономические привилегии городам и ограничения на сбыт конкурирующих крестьянских продуктов.

⁶ Ее начало еще Временное правительство, которое 3 апреля 1917 г. постановило преобразовать в города 41 поселение. С другой стороны, даже по завершении этой ревизии состава городов в 20-х гг. многие из них имели слабые предпосылки для экономического развития: 130 городов европейской части РСФСР (31% их числа) не имели железнодорожного сообщения (Города Союза ССР, 1927, с. 8–10).

Таблица 2.1.1. Городские поселения Европейской России в 1897 г.

Статус поселения	Число поселений	В т. ч. поселений с 10 тыс. жит. и более	Доля таких поселений, в %
Губернские и областные	37	35	94,6
Уездные	296	86	29,1
Безуездные	8	3	37,5
Заштатные	35	3	8,8
Посады	37	6	16,2
Всего	413	133	32,2

Итак, в конце XIX в. в России — стране по преимуществу крестьянской — и даже в ее более развитой европейской части существовала редкая сеть экономически слабых городов. Среди них резко выделялись немногочисленные крупные, особенно губернские и областные. Совокупность городов обладала определенным потенциалом развития, но далеко не все из них могли считаться «точками роста». Это отчасти подтвердили данные о последующей трансформации состава городов, зафиксированных переписью 1897 г. (табл. 2.1.2).

Как известно, главной ареной и мотором урбанизации, в основе которой лежит территориальная концентрация разнообразия (деятельности, воззрений, предпосылок развития), служат большие города. В России конца XIX в. имелось только два столичных города-миллионера и еще пять больших с населением более 100 тыс. жителей каждый — Саратов, Казань, Астрахань, Ростов-на-Дону и Тула. Для огромной страны этого было явно недостаточно. К тому же совсем отсутствовали города размером от 250 тыс. до 1 млн жителей.

В большинстве российских городов было много сельского, не только генетически (по происхождению из сел), но и в силу устойчивого преобладания сельских занятий населения, типов домов и усадебной застройки. После преобразования села в город его жители, перейдя в сословие мещан, по духу и занятиям в большинстве своем оставались крестьянами. Не случайно города, учрежденные сверху, Н. П. Огарев называл «правительственной фантазией». Для уральских «городов-заводов» был характерен тип рабочего-крестьянина. На предприятия Старопромышленного Центра тоже нанимались жители окрестных деревень: на фабрике рабочие, дома они по-прежнему крестьяне; даже переселяясь в фабричный поселок, они сохраняли крестьянские черты быта, досуга и мышления. А. Г. Вишневский (1988) писал об «урбанизации по-деревенски», имея в виду советское время. Но с куда большим основанием это можно отнести к России конца XIX в. Именно тогда А. Геттнер (1909) характеризовал российские города как недостаточно городские.

Таблица 2.1.2. Трансформация состава городов Европейской части РФ после переписи населения 1897 г.

Категории центров в 1897 г.	Число городов и посадов в 1897 г.	Число поселений и их юридический статус на 1.01.1998						
		города			пгт		села	
		всего	центры обл., краев, респ.	рай-центры	всего	рай-центры	всего	рай-центры
Губернские и областные центры	37	37	33*	—	—	—	—	—
Уездные центры	296	256**	15	223	21	15	16	10
Безуездные города	8	7***	1	3	—	—	1	—
Заштатные города	35	11****	—	10	10	8	13	3
Посады	37	15	—	13	3	2	19	2
Всего	413	326	49	249	34	25	49	15

Примечания:

* Новороссийск утратил ранг губернского центра после того, как была упразднена (в 1929 г.) возглавлявшаяся им Черноморская губ. То же случилось и с Выборгом. Новочеркасск передал свои функции Ростову-на-Дону, а Темир-Хан-Шура (с 1922 г. Буйнакск) – Махачкале.

** Два города (Корчева и Молога) затоплены водохранилищем; город Нахичевань вошел в состав Ростова-на-Дону.

*** Город Кола (Мурманская область) был в 1926 г. преобразован в сельское поселение; вновь получил городской статус в 1965 г.

**** Город Дедюхин, будучи с 1926 г. сельским поселением, вошел в состав г. Березники, частично затоплен при создании Камского водохранилища.

Эта их черта — давняя, как бы изначальная, и очень устойчивая. В. О. Ключевский писал о городах Московской Руси XVI века: «Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по водному пути «из варяг в греки» «страной городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название; к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не заметить, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам — Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства страной городов в XVI в. было бы слишком неточно, как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили имя города, но имели вид и значение большого села» (Ключевский, 1991, с. 163).

Сельские черты российских городов не могли не бросаться в глаза бытописателям, в то время как в описаниях фабричных, заводских и кустарных сел просматривались городские черты. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» (1951, с. 353–357) приводит выдержки из разных трудов того времени: «Дома в селе Кимры городские, и жители отличаются городскими привычками, например, „щегольством“»; «Жизнь таких центров, как Павлово, сложилась совершенно по-городскому, выработав несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных, „серых“ земледельцев». С. Маковский (1999, с. 183), сетуя о том, что «Россия не богата памятниками древности», писал: «Ее города, похожие на села, и села, похожие на города, плохо помнят о прошлом». Тяжкие потрясения, разрушительный ка-ток событий-катаклизмов, проходя по многим российским городам неоднократно, и впрямь лишали их истории, отбивали память.

Промышленный рост городов связан с наплывом в них мигрантов, с расширением маргинального слоя. В течение XIX в. доля крестьян в городах европейской части империи выросла с 33% до 43–44% приписного (постоянного) населения и с 37–38% до 45% населения наличного (Миронов, 1999, т. 1, с. 322). В пореформенное время очень активно впитывала приток из села Москва. Характеризуя этот процесс, Ю. Г. Саушкин заключает: «...деревня Центрального района сформировала население Москвы» (1964, с. 79). Он подтверждает это ссылкой на А. С. Нифонтова (1954): «...около 75% жителей города родилось вне Москвы и около 70% их относилось к крестьянскому сословию».

А. Н. Островский (1960, с. 180–181) считал эту великорусскую народную силу «полудикой по своим хищническим и чувственным инстинктам». Выдвигая идею основания в Москве национального театра, великий драматург писал: «В Москве могучая, но грубая крестьянская сила очеловечивается, чему более всего помогает театр».

А вот еще одно подтверждение симбиоза городских и сельских черт в облике российского города, выраженного поэтически:

Совсем село — на город не похож —
И весь в садах. За речкой монастырь
Белеет в зелени. А дальше — рожь
Опять поля, опять простор и ширь!
(П. Булыгин, «В полях»)

Сельские черты городов, урбанизация по-деревенски — отнюдь не чисто русское явление. В. В. Покшишевский и Г. Н. Озерова (1981, с. 184) писали о «деревнях, перенесенных внутрь городов многих стран Африки». Так называемые сельские города встречаются по всей Восточной Европе: в Польше, Словакии, венгерском Альфельде, Болгарии. Переплетение города и села наблюдается и в иных условиях, на других стадиях эволюции расселения. Описывая процесс разрастания городов в развитых странах, Дж. Уэруэйн отмечал, что в пригородах люди живут «не в городе и не в деревне» (Уэруэйн, 1965, с. 404).

России с ее просторами и даже обжитым частям с довольно равномерным сельским населением всегда не хватало городов. Общие данные на сей счет приводит Б. Н. Миرون (1999, т. 1, с. 286). Среднее (условно-расчетное) расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России, без Польши и Финляндии, достигало в 1857 г. 87 км, а в 1914 — 83 км (в Сибири — 516 и 495), варьируя от 50 км в Прибалтике до 150–300 на Севере и Урале. В основных же европейских странах в середине XIX в. дистанции составляли 10–28 км, в начале XX в. — 8–15 км. Впрочем, и в XV веке Запад Европы покрывала густая сеть городков, отстоявших друг от друга на 20–30, а местами на 10–15 км. Крестьянин за один день мог пешком добраться в город и обратно, горожанин — достичь соседнего города. В России такие поездки даже на лошади (до создания к концу XIX в. сети железных дорог) длились сутками, затрудняя сельско-городские и межгородские сношения.

С этим же связан универсализм русских крестьян, навыки самообеспечения всем необходимым. Дефицит городов вместе со свойствами климата и свободой промыслов также привел к распространению в дореволюционной сельской местности несельских занятий, к исполнению ею неформально, а то и официально городских функций. Правда, последнее типичнее для окраин империи. Так, на Северном Кавказе роль административных центров уездов, округов, отделов выполняли не только города, но и села, станции, укрепления. Там имелся 21 такой центр (включая такие известные селения, как Гуниб, Хунзах, Ботлих в Дагестане, Армавир на Кубани, Нальчик в Кабардино-Балкарии) и еще один (Усть-Цильма) — на Европейском Севере. В XX в. 9 подобных поселений стали городами.

Сложившаяся к концу XIX в. сеть городов не отвечала требованиям времени, плохо адаптировалась к меняющимся условиям. Ее трансформация была необходима. Многие понимали, что экономический бум, переживаемый Россией на рубеже веков, должен был ускорить и урбанизацию. Некоторые признаки такого ускорения уже появились. Однако в 1914 г. началась Первая мировая война, в 1917 г. грянула революция...

Самые общие итоги дальнейшего развития городов по крупным европейским районам современной России отражает **табл. 2.1.3.**

Общее число городов более чем удвоилось, а на Урале и Северном Кавказе, где урбанизация была совсем неадекватна демоэкономическим условиям и перспективам, оно увеличилось в пять раз. Отсюда рост доли этих районов по числу городов за счет центра и северо-западного «угла» страны, хотя Центральный район сохранил выдающееся место. Повсеместное уплотнение городской сети нигде не вывело ее на западно-европейские параметры даже многовековой давности: таковы уж размеры России. Кроме того, прежде сравнительно равномерный рисунок расселения стал совсем иным, чего не учитывает расчетная формула расстояний ближайшего соседства.

Обо всем этом подробнее — в следующих главах.

Города европейской России в конце XIX века

Таблица 2.1.3. Распределение городов и среднее (расчетное) расстояние между ними в конце XIX и XX вв. по крупным районам европейской части РФ

Крупные экономические районы	1897*			1999**		
	Число официальных городов	В % к итогу	Среднее расстояние, км	Число городов	В % к итогу	Среднее расстояние, км
Европейский Север	31	8,2	221	68	8,2	147
Северо-Запад	30	8,0	82	55	6,6	60
Центральный	140	37,1	59	252	30,4	44
Волго-Вятский	40	10,6	84	65	7,8	64
Центр.-Черноземный	40	10,6	65	50	6,0	58
Поволжье	45	11,9	106	94	11,3	76
Северный Кавказ	21	5,6	130	105	12,7	58
Урал	30	8,0	160	141	17,0	73
Всего	377	100,0	107	830	100,0	71

* Без Калининградской, Курганской областей и других участков, не относившихся к Европейской России.

** Без Калининградской и Курганской областей.